

## ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС В КАБАРДЕ В 40-х гг. XVIII в.: ВНУТРЕННИЕ КОЛЛИЗИИ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРИЗНАНИЯ «ВОЛЬНОСТИ» СТРАНЫ

**Алоев Тимур Хазраилович**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), [aloborsa@mail.ru](mailto:aloborsa@mail.ru)

**Жанситов Осман Асланович**, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук» (ИГИ КБНЦ РАН), [osman.zhansitov@yandex.ru](mailto:osman.zhansitov@yandex.ru)

В статье исследуются основные траектории политического процесса в Большой Кабарде в контексте действия 6-й статьи Белградского договора 1739 г., где зафиксирован ее «вольный» статус. Одним из основных хронологических реперов повествования выступает 1742 г., когда в Кабарде возобновилось межкняжеское противостояние Баксанской и Кашкатауской партий. В работе отслеживается динамика политических пертурбаций в среде правящей элиты, которая спустя несколько лет привела к резкой потере баланса в системе «сдержек и противовесов» кабардинского политикума, что явилось результатом изгнания княжеского клана Мисост. Обращение к первоисточникам при выяснении этого нетривиального для политического процесса Кабарды рассматриваемого периода события позволяет выявить не только эндогенные факторы сюжета, но и мощные внешнеполитические детерминанты процесса. В этой связи особое внимание уделяется реализации приоритетов российской дипломатии в Кабарде, как посредством использования условий международного договора, так и через продолжение политики манипуляций межкняжескими противоречиями.

**Ключевые слова:** Кабарда, Белградский договор, политический процесс, Баксанская партия, Кашкатауская партия

Исследование сущностных черт интерференции различных социополитических сил на Северном Кавказе в середине XVIII в. имеет основополагающее значение для понимания «логики» последующей траектории развития исторического процесса в регионе. В этом плане рассмотрение взаимодействия двух основных акторов в регионе – Кабарды и России, от которых зависел динамизм и вектор политического процесса на Кавказе (несмотря на то, что в более широком геополитическом контексте равновеликим игроком для первой выступало Крымское ханство, а для последней – Османская Порта) будет способствовать выявлению степени «инкубационности» рассматриваемого периода относительно характера взаимоотношений, проявившегося во второй половине столетия. Думается, что хронологически весьма непротяженный исторический сюжет, связанный с изгнанием в 1747 г. княжеского рода Мисост из Кабарды, позволит углубить понимание содержания политики России (стремительно приближавшейся к положению безоговорочной военно-политической доминанты в регионе) в отношении неумолимо терявшей свои позиции Кабарды, а также высветить, в некоторой степени, насколько явственно обозначившееся с 1763 г. открытое «столкновение» между ними «генетически» произрастает из сформулированных в это время подходов.

Если вплоть до окончания войны с османами (1739) Россия видела в Кабарде потенциальную, а зачастую и реальную союзницу, чья внутренняя устойчивость и сплоченность политической элиты была, как правило, желаемой, то с этого времени привлекательность последней в этом качестве в глазах Петербурга начала существенно ослабевать. По-видимому, это было связано как с внутривосточной нестабильностью в Большой Кабарде, давно приобретшей хронический характер, так и со сменой геополитических приоритетов России в регионе, к которым стремление к сохранению прежних равноправных (с элементами патернализма) отношений с политиями Северного Кавказа более не относилось.

Во всяком случае, начиная со времени обозначившегося начала очередного цикла противостояния между Баксанской и Кашкатауской партиями в середине 1742 г. и до изгнания клана Мисост из Кабарды в 1747 г. в полной мере проявилась выразительная тенденция, свидетельствующая о новых внешнеполитических ориентирах Российской империи в Кабарде. Как справедливо отмечал В.Н. Кудашев: «Борьба партий в Кабарде (возобновившаяся в 1742 г. – Т.А.) открывала для России путь широкого влияния на кабардинские дела»<sup>1</sup>. В этот период в полной мере проявляются задачи и способы осуществления российского влияния в Кабарде, направленного на обеспечение устойчивого режима, если не контроля, то предсказуемости политических процессов. Приступая к реализации новой модели политического взаимодействия с Кабардой, российскому руководству необходимо было внедрять ее крайне осторожно, учитывая, как возможность обострения отношений с Портой (в случае его неуклюжих действий), так и продекларированную совместно с последней «вольность» Кабарды.

Высвечивая алгоритм мероприятий Петербурга, подтверждающих формирование политики «устойчивого вмешательства» в дела Большой Кабарды и ее соотнесенность с вышеизложенными «внешними» факторами, пожалуй, следует начать с кабардинского посольства в Россию во главе с князем Мисост Магометом в 1742–1744 гг. Его инициаторами были князья Баксанской партии, которые после возобновления конфликта с Кайтуко Асланбеком попытались использовать ресурсы России для окончательной победы над «кашкатауцами». В своем письме в Петербург «баксанцы» отмечали: «От привоуду брата нашего Арслан-бека (Кайтуко Асланбек. – *Авт.*)... завсегда на нас крымского войска мы покою себе иметь не можем, и для того все подданнейше просим, когда ради помощи нам войско потребно будет, дабы калмыцкое или донское казачье войско всемиловстейше назначено и определено было»<sup>2</sup>. Безоговорочная поддержка «баксанцев» в той форме, в которой предлагалась ими, грозила России осложнением отношений, а то и возобновлением военного противостояния с Османской империей. Поэтому Коллегия иностранных дел после длительного (более года) изучения данных об антироссийской направленности действий лидера «кашкатауцев» пришла к выводу о том, что «Арслан-бек российским интересом противности не чинит, то для партикулярной их («баксанцев» с «кашкатауцами». – *Авт.*) ссоры войсками российскими смирить его с вышеписанным трактатом (Белградским. – *Авт.*) сходства быть не может... »<sup>3</sup>. Таким образом, формулировка позиции российского руководства, апеллировавшей к условиям Белградского мирного договора 1739 г., по которым державы признавали «вольность» Кабарды и фиксировали отказ от военного давления на нее подтверждает вышеприведенный тезис о гибкости и осторожности наращивания Петербургом вмешательства во внутренние дела княжества. И действительно, деятельность внешнеполитического ведомства в отношении Кабарды в этот период продемонстрировала особую изощренность в способах своего влияния и предельную заостренность на достижение главной цели – осуществление режима «устойчивого вмешательства» через поддержание раскола ее политической элиты.

В свете вышеизложенного становится понятно, что впечатление провальности посольства Мисост Магомета в Петербург в 1742 – 1744 гг. является обманчивым.

В самом деле, данное посольство было неудачным как «кабардинское», а если рассматривать его как сугубо «баксанское», становится очевидным его успешность. Чтобы понять это, достаточно вспомнить, что ни по одной из проблем, выдвинутых Мисост Магометом, разрешение которых напрямую затрагивало общекабардинские интересы, в Петербурге не нашли возможностей для положительного решения. Российское руководство, по сути, не поддержало требование о возврате «беглецов» из Кабарды. Оно не дало положительного ответа и на такую просьбу, чтобы «узденей в аманаты не брали б». Да и возобновление выплаты ежегодного «жалованья», на котором справедливо настаивали кабардинцы, не было осуществлено. Теперь этот пункт кабардинских требований стал в руках Коллегии дополнительным рычагом манипулирования противостоянием потомков Пшеапшоко Кази.

Казалось бы, своими отказами по всем главным направлениям кабардино-российских отношений Петербург демонстрировал полное пренебрежение ими и рисковал их подрывом. Однако его поощрительная позиция, направленная на поддержку Баксанской партии нейтрализовала такую угрозу. В одном из документов, явственно характеризующих политические приоритеты России в кабардинских делах, в частности говорится, что императрица Елизавета «...указать соизволила послать в Кабарду знатную персону, брегадира и царицынского коменданта Кольцова, которому их, кабардинских владельцев, в зашедших между ими ссорах добрым способом примирить и согласить, *причем им, владельцем баксанской партии всевозможная Е. И. В. милость показана быть может*»<sup>4</sup> (курсив наш. – Авт.).

Покровительство по отношению к «баксанцам» проявлялось и в других ситуациях. Так, 15 декабря 1743 г., незадолго перед выездом на родину, Мисост Магомету была вручена августейшая грамота, по которой посол информировался о выдаче князьям Баксанской группировки 2000 рублей. Спустя три дня, 19 декабря, Коллегия иностранных дел подготовила две грамоты с одинаковым содержанием в адрес лидеров обеих партий, где сообщалось о направлении в Кабарду посредника для примирения сторон. Однако не примирение само по себе было целью «миротворческой» миссии бригадира Кольцова, а условия при которых оно должно было быть достигнуто. То есть, требовалось «мир учинить (в Кабарде. – Авт.) без предосуждения к стороне нашей (российской. – Авт.), и с возможною баксанской партии пользою»<sup>5</sup> (курсив наш. – Авт.). Такая однозначная установка Коллегии столь же, по-военному, прямолинейно была воспринята царицынским комендантом. Приехавшие к месту расположения Кольцова лидеры «кашкатауцев» «увидели зделанной кругом ево лагоря вал и поставлены пушки и караул, и с ним были вместе все баксанские владельцы...» Дальнейший ход событий Кайтуко Асланбек описывал следующим образом: «...и он к нам выслал с приказом, чтоб мы с себя сняли панцыри и сабли, и конечно чтоб при нас и ножика не было; и я в разсуждении том, что он, брегадир, словами нас обнадеживал, якобы разсудить и помирить приехал, а по притчине той, что он велел нам сабли сняв к себе притти, убоялся и затем я к нему, брегадиру не пошел»<sup>6</sup>. Кайтуко Асланбек аргументировал свой поступок тем, что даже к Петру I он заходил с оружием<sup>7</sup>.

Здесь уместно отметить, что выработка такой однозначной политики как в отношении Кабарды и столь же настойчивая ее реализация не были типичными схемами взаимодействия России с политическими образованиями на ее юго-восточных рубежах. К примеру, на протяжении всех 40-х гг. XVIII в. и позже российское руководство никак не могло определиться с выработкой единой стратегии обеспечения своих интересов в казахских степях. Здесь соперничали два различавшихся подхода по упрочению российских позиций в регионе<sup>8</sup>.

Еще одним показателем успешности миссии Мисост Магомета в качестве посла от Баксанской партии является тот факт, что во многом, благодаря его усилиям наметившийся был альянс между «кашкатауцами» и калмыцким ханом Дондук-Дашей против «союзных» кланов Хатокшоко и Мисост не состоялся. Во время

нахождения Мисост Магомета в России, в 1743 г., калмыцкий правитель получил указ из Петербурга о запрете любых антикабардинских, т.е. антибаксанских акций<sup>9</sup>. Примеры явного или косвенного стимулирования «баксанского» преобладания в Кабарде, предпринятые со стороны российского руководства в рассматриваемый период не ограничиваются вышеуказанными проявлениями. Однако и их достаточно, чтобы очертить общие контуры системы российского вмешательства в политическую жизнь «вольной» Кабарды.

Становым хребтом российской политики в Кабарде, предопределенной условиями Белградского мира 1739 г. и начавшей рельефно проявляться со времени появления в Петербурге «баксанского» посла Мисост Магомета в 1742 г., стали подпитка источников противостояния расколотой правящей элиты и стимулирование деструктивного потенциала политической системы страны. Обеспечивалось это через предоставление существенных преференций Баксанской партии в ущерб «кашкатауцам». Ввиду того обстоятельства, что решительный перевес «баксанцев» над «кашкатауцами» привел бы к устранению условий российского вмешательства во внутренние дела Большой Кабарды, Петербург пристально следил за сохранением здесь выгодного ему баланса сил. Доминировавшие тогда в Кабарде дезинтеграционные тенденции предоставили России инструменты влияния на ее политическую систему, уязвимость которой под воздействием внешних факторов становилась очевидной и неизбежной. В этих условиях дипломатия Российской империи приблизилась к той степени влияния в Кабарде, когда характер протекания по преимуществу внутреннего конфликта в стране стал бы целиком и полностью зависеть от ее воли. Фактически к исходу первой половины 1740-х гг. Россия уже обладала рычагами эффективного воздействия, контроля и манипулирования умело внедренной схемой взаимодействия между враждующими партиями страны.

Однако непрочность указанной системы российского вмешательства в кабардинские дела проявилась сразу же после смерти Кайтуко Асланбека во второй половине 1746 г. Его уход спровоцировал обнаружение острых противоречий между кланами, образовавшими Баксанскую партию и носивших до этого латентный характер. В результате «оставшие владельцы, братья и дети его (Кайтуко Асланбека. – Авт.) в 1747-м году с старшим баксанским владельцем» Хатокшоко Баматом, «посредством детей его от расланбековой сестры рожденных, примирились и согласились так, что одним без других ничего не делать и ни с кем не списываться, и тогда выгнали с Баксану» Мисост Касая «с его братьями, а сами и с своими подданными для житья перешли в Баксан и завладели Касаевыми подданными»<sup>10</sup>.

Не вдаваясь в выяснение всех причин такого завершения очередного цикла межкняжеского противостояния, рассмотрим формы реагирования Петербурга на крушение платформы российской политики в Кабарде и меры, предпринятые им для восстановления своего влияния здесь.

Примечательно, что покинувшие Кабарду представители высшей знати не колебались в выборе (в отличие, например, от клана Бекмурза, оказавшегося в 1737 г. в таком же положении) рычагов воздействия на княжеское сообщество страны для быстрейшего восстановления своего status-quo. Они, и, прежде всего их глава – многоопытный политик князь Касай, отчетливо понимали, что их изгнание не могло быть воспринято равнодушно в России. Именно поэтому Мисост Касай со своим кланом из двенадцати человек, в сопровождении сотенного отряда уорков, вместе с «собственными тех владельцев конскими стадами» вскоре появились в Кизляре<sup>11</sup>.

В течение лета-осени 1747 г. российская сторона предприняла ряд попыток по возвращению изолированного и выдвинутого из страны клана в Кабарду. 13 июня Бекмурза Батоко и Хатокшоко Бамат получили письмо от астраханского губернатора Брылкина с изложением негативной реакции России на изгнание неугодных им князей. Правители Кабарды проигнорировали его рекомендации. Безрезультатной оказалась и поездка Э. Бекович-Черкасского, осуществленная по указанной

причине<sup>12</sup>. Тщетными были и усилия вице-канцлера А.П. Бестужева-Рюмина, который в своем письме от 29 сентября 1747 г. лично к Хатокшоко Бамату взывал то к его интеллектуальным способностям, то к моральным качествам, напоминая о долголетней дружбе с Касаем. В целях поощрения российский вице-канцлер предлагал в случае следования Хатокшоко Бамата его рекомендациям снизить количество кабардинских аманатов до двух человек. Но самый могущественный князь Большой Кабарды остался равнодушен и к этому предложению, т. к. среди аманатов не было ни одного представителя клана Хатокшоко.

В течение всего 1747 г. находившиеся в Кизляре князья выступали в роли заинтересованных, вполне информированных о событиях в Кабарде, но весьма ограниченных в возможностях влияния на них наблюдателей. Им оставалось уповать на действенность российского нажима на княжеское сообщество Кабарды. С обострением внутривнутриполитической ситуации в стране в самом начале 1748 г. и расколом феодальной коалиции, образовавшейся после изгнания клана Мисост, последние получили дополнительную мотивацию для активизации своих действий. На наш взгляд, именно с этого времени князья Мисост начали упорно добиваться российского военного вмешательства для восстановления своих позиций. Большой опыт, накопленный Мисост Касаем за десятилетия активной политической деятельности, наполненной участием в формировании и трансформации разных феодальных коалиций, подвиг его на решение воспользоваться особенностями сложившейся новой конфигурации межкняжеского противостояния в Кабарде. А они заключались, прежде всего, в том, что линия раскола между противостоявшими группировками знати прошла не по удельному или «партийному» признаку. В разных лагерях, оказались Бамат – глава удела Хатокшоко и Кайтуко Джамбулат с одной стороны и пщышхуэ Бекмурза Батоко с Кайтуко Хамурзой с другой. Так как в это время в уделе Кайтуко доминировал сын покойного пщышхуэ Хамурза (несмотря на старшинство Джамбулата) использование ресурсов удела старшим представителем рода было проблематичным. Таким образом, лагерь, возглавляемый пщышхуэ Батоко, имел значительно более предпочтительные позиции. К тому же главный актер в деле изгнания клана Мисост – Хатокшоко Бамат скомпрометировал себя поиском поддержки у Бахчисарая.

В феврале 1748 г. Бекмурза Батоко передал через кизлярского дворянина А. Брагунского, что «нынешним летом возьмут они (Бекмурза Б. и Кайтуко Х. – *Авт.*) его, Касая, с партией к себе в Кабарду»<sup>13</sup>. Чем бы не руководствовался пщышхуэ, иницируя сближение с Мисост Касаем ясно, что при присоединении к нему ресурсов последних его противники оказывались в изоляции. Однако каким бы естественным и разумным не казалось их стремление к сближению, реализация такой потенции была далека от завершения. Ведь неспроста пщышхуэ отсрочивал возвращение клана Мисост до лета. Он понимал, что непреодолимых противоречий с Хатокшоко Баматом и Кайтуко Джамбулатом у него нет. К тому же было ясно, что впредь влиять на дискредитировавших себя перед Россией князей будет легче, чем на пользующихся всемерной поддержкой последней князей.

Следует отметить, что и князья Мисост не желали возвращаться в Кабарду на правах прощенных, а значит уязвимых и зависимых участников политического процесса. Они хотели продемонстрировать, что за ними стоит мощь Российской империи. В силу того, что пограничные власти не могли без санкции из центра предпринять военный поход в Кабарду, клан Мисост направил в Петербург с миссией добиться указанной цели младшего брата Касая – Бактагирея. Однако далее Астрахани ему проехать не разрешили. Российское руководство мотивировало это тем, что «хотя б он Бактагирей и сюда был допущен, но с ним яко с молодым бекком о его Касаевой пользе разсуждать было неудобно...»<sup>14</sup>. Надуманность такой отговорки очевидна хотя бы потому, что в это время «молодому беку» было примерно 46 лет<sup>15</sup>. По всей видимости, такой ответ имел целью оттянуть время для

решительных действий. Даже совсем не заинтересованные в осуществлении Петербургом активных мероприятий по поддержке изгнанного клана кабардинские князья констатировали, что ситуация с изгнанниками «проволочитца».

Более полному пониманию тактики «проволочения», избранной в это время российским руководством, ее источников и форм осуществления будет способствовать документ под названием «Записка, по которой кабардинскому владельцу Касаю Атажукину (Мисост Касаю. – *Авт.*) объявлены притчины, для чего посылать нельзя в Кабарду российских войск для его тамо утверждения»<sup>16</sup>. По сути, эта записка являлась инструкцией пограничным властям, содержание которой необходимо было довести до адресата в устной форме.

Примечательно, что документ, состоящий из пяти пунктов, каждый из которых оправдывал воздержание России от военной поддержки клана Мисост, начинается с утверждения о том, что «давно б мочно было войсками Е.И.В. ево Касая в Кабарде и силою возставить...»<sup>17</sup>. Однако в таком пассаже внешнеполитического ведомства имелась определенная доля лукавства, в том смысле, что попытка силового воздействия на княжескую олигархию сама по себе сулила непредвиденные последствия для ее инициатора. Фактически Россия не имела опыта военных действий с Кабардой в XVIII в. И, несмотря на то, что войска последней относились к разряду иррегулярных, т.е. а ргiогi более уязвимых, чем по-европейски организованная армия Российской империи возможности военного потенциала Кабарды не были полностью прозрачны для российского руководства. Поэтому отнюдь не случайно, что известное «Описание кабардинского народа...», где особое внимание уделяется военному потенциалу как Большой, так и Малой Кабарды было подготовлено в рассматриваемое время, т.е. в мае 1748 г.<sup>18</sup> Возможно военное вторжение в Кабарду какое-то время и фигурировало как одно из вероятных сценариев реставрации позиций клана Мисост. Однако внушительный военный потенциал Кабарды и продекларированная правящей коалицией жесткая позиция, не допускавшая ни малейшего вмешательства в ее внутренние дела<sup>19</sup>, в значительной степени обусловили отказ Петербурга от силовых методов влияния на кабардинские дела.

Отказ от прямой военной поддержки «князей-изгоев» и проявленная медлительность в выработке иных способов давления на политическую элиту Кабарды вынудил клан Мисост предпринять самостоятельные меры по своему возвращению в страну. Князья покинули Кизляр в промежутке между маем и ноябрем 1748 г., видимо с намерением воспользоваться новыми межкняжескими противоречиями. В это время отношения Мисост со своими покровителями (по крайней мере, с пограничным начальством) отнюдь не характеризовались взаимной комплиментарностью. Об этом со всей очевидностью свидетельствует тот факт, что «князья-изгои» не проинформировали кизлярское начальство ни о цели, ни о конечном пункте своего очередного перемещения. Российское руководство не знало, находятся ли Мисост «в осетинских горах или в Чечнях или| в Малой Кабарде...»<sup>20</sup>.

Именно в этот период была составлена вышеупомянутая «Записка...», целью которой стала реанимация репутации России как последовательного покровителя клана Мисост (в глазах последних) в условиях свершившегося факта утраты Петербургом политической инициативы в этом вопросе. Видимо поэтому пункты «Записки...» представляли собой попытку создания благоприятного идеологического фона самооправдания оставляющего впечатление жеста отчаяния.

Опорной идеей «Записки...» является увязка действий России в отношении Кабарды с имплементацией положений Белградского договора. Для доведения до сведения Мисост Касаю здесь говорится, что «сие с Турецким государством в трактате постановление (шестая статья Белградского договора. – *Авт.*) учинено, более для того, чтоб крымцы и кубанцы их кабардинцев набегами своими необеспокоивали...»<sup>21</sup>. Хотя по большому счету именно этот договор подводил формальную базу под возможности систематического вмешательства держав-

контрагентов Белградского договора во внутренние дела Кабарды. Для того, чтобы понять это достаточно вспомнить концовку шестой статьи указанного трактата: «...а ежели помянутые кабардинцы причину жалоб подадут одной или другой державе, то каждой позволяется наказать»<sup>22</sup>. Думается излишне доказывать, что при необходимости и Порты, и Россия с легкостью могли найти «причину жалоб».

Далее, составители «Записки...», постаравшиеся показать, что именно Белградский договор является наиболее действенным гарантом безопасности Кабарды, в весьма откровенных выражениях очертили диапазон действий, за рамки которых Петербург не был готов идти в поддержании клана Мисост. В тексте документа отмечается: «И для того, и что Магомед Кургокин (Хатокшоко Бамат. – *Авт.*) с протчами кабардинскими владельцы доньне к российской стороне, никакой противности наказанию достойной не учинили, а с ним Касаем и с его братьями по их кабардинским обычаям между себя партикулярно поссорились, российских войск на Кабарду посылать противно справедливости, и мирному с Туркиєю трактату, как и он Касаи сам разсудить может, что для их кабардинских владельцов партикулярных ссор между двумя великими империями холодность произвесть не пристойно...»<sup>23</sup>.

После этого, напоминания о неоднократных попытках помочь через посланных в Кабарду «нарочных» и предоставление на волю князя Касая решение судьбы находившегося в Астрахани аманатом Кайтуко Аслануко служили слабым утешением для князей Мисост. На этом фоне весьма умелым психологическим ходом внешнеполитического ведомства можно признать указание на те предпочтения, которыми пользовался изгнанный из Кабарды род. В документе по этому поводу отмечается, что «...удовольствие его Касаи з братьями и узденями в бытность его в Кизляре кормовыми денгами чинено, как и он Касай признает, в разсуждении прежней его Касаевой служб и в показание к нему высочайшей Е.И.В. милости и другим не в пример, что и сим подтверждается, ибо в 1737-м году по изгнании из Кабарды Бекмурзиных детей (клан Бекмурза. – *Авт.*) хотя из оных Касим... приезжал в Астрахань, и тогда оной не токмо кормовыми денгами не доволствован, но из Астрахани выслан»<sup>24</sup>.

Следует также отметить, что негативная реакция, вызванная недопущением князя Бактагирея в Петербург, не могла быть сглажена одним только словесным выражением поддержки князьям Мисост. Внешнеполитическому ведомству необходимо было продемонстрировать более весомый аргумент своей неослабной благосклонности к ним. В известном смысле беспроигрышным шагом в этом направлении явилось «... позволение самому ему Касаю побывать здесь (в центре. – *Авт.*) на время для единого того, дабы его от неперменной к нему Е.И.В. милости уверить, и по его искусству... и кабардинских дел знанию советовать с ним не найдутся ль другие какие меры чтоб бес посылки российских войск в Кабарду он принят был»<sup>25</sup>.

Примечательно, что эта санкция была дана в тот период, когда местонахождение князей Мисост не было известно ни в центре, ни пограничным властям в регионе. Если бы даже за время пересылки документа на Кавказ они и появились в Кизляре, само указание на то, что предметом обсуждения возможных переговоров князя Касая в Петербурге могли стать только упомянутые «невооруженные» способы его водворения в Кабарде, уже лишало лидера изгнанного клана мотива для поездки в Россию. Таким образом, Петербург, подтверждая свою линию поддержки клана Мисост показывал, что она будет проводиться только в той мере, в которой ее осуществление не будет угрожать его собственной безопасности. И все же понимание того обстоятельства, что без лояльности со стороны Мисост перспективы возрождения удобной модели вмешательства России в кабардинские дела были весьма туманными подвигало авторов «Записки...» к демонстрации своей готовности повторно принять Мисост в Кизляре и обещанию, что «...и кормовые деньги, велено ему и со обретающимися при нем производить по-прежнему»<sup>26</sup>.

Как бы то ни было не позже октября 1748 г. расколовшаяся в начале того же года коалиция была восстановлена<sup>27</sup>. В связи с этим самостоятельные инициативы

князей Мисост были обречены на провал. Это означало, что и опасения российского руководства, заставлявшие его прибегнуть к определенным уступкам стали беспочвенными. Ведь вчерашние недоброжелатели особо усилили свою антимиостовскую политику. Так, 30 ноября 1748 г., вернувшийся из Большой Кабарды уорк изгнанного княжеского клана извещал, что «третьего дня и вчерась владельцы и уздени были все в собрании в доме Баток бека (пщышхуэ Бекмурза Батоко. – Авт.) и положили де владельцы» напасть на находившегося в Анзоровых кабаках князя Касая<sup>28</sup>.

Лишь спустя год после этих событий, не позднее октября 1749 г., состоялось возвращение изгнанников в Кабарду. На данный момент нельзя достоверно сказать о роли России в его осуществлении. Однако бесспорно, что российское руководство считало значительным успехом возвращение клана Мисост в кабардинский политический процесс в качестве полноправного его актора. Об этом свидетельствует письмо канцлера Бестужева-Рюмина от 10 ноября 1749 г., направленное лидерам новой коалиции, образовавшейся после изгнания из Кабарды, теперь пщышхуэ Бекмурза Батоко. В нем высокопоставленный российский чиновник отмечал, что «...весьма приятна была сия ведомость, что ныне все ваши такие... вам же вредительные ссоры полезным миром прекратились. И вы, Касай-бек, находитесь по-прежнему в отечестве и в доме вашем благополучно»<sup>29</sup>. Далее следует извещение о том, что императрица указала выдать «жалованья денег тысячу рублей».

Несмотря на то, что возвращение клана Мисост сопровождалось изгнанием пщышхуэ, а следовательно и политический кризис в стране всего лишь вошел в военную фазу своего развития А.П. Бестужев-Рюмин умудрился увидеть в этом достижение «мира и доброго покоя» чем и советовал пользоваться получателям своего послания<sup>30</sup>. Однако понятно, что рекомендация российского канцлера была направлена не на сохранение мира, (мнимость которого ему была хорошо известна), а на поддержку удобной и контролируемой внутривосточной конфигурации сил в Большой Кабарде, которая в основных чертах была реанимирована с возвращением в Кабарду клана Мисост.

## Примечания

1. Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. Нальчик, 1991. С. 59.
2. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. (Документы и материалы в 2-х томах). М., 1957. Т. II. С. 104 (в дальнейшем – КРО).
3. Там же. С. 109.
4. КРО. М., 1957. Т. 2. С. 110.
5. Там же. С. 120.
6. Там же. С. 125.
7. Там же.
8. См.: *Khodarkovsky M. Colonial Frontiers in Eighteenth-Century: From the North Caucasus to Central Asia // Extending the Borders of Russian History. Essays in honor of Alfred J.Rieber. Edited by Marsha Siefert. Budapest: New York, 2003. P. 131.*
9. КРО. Т. 2. С. 111.
10. Там же. С. 155.
11. КРО. Т. 2. С. 146, 158.
12. Там же. С. 156.
13. КРО. Т. II. С. 158.
14. Архив внешней политики Российской империи. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 1. Л. 3 (в дальнейшем – АВПРИ).
15. В марте 1732 г. князь М. Мисостов при расспросе в Коллегии иностранных дел сообщал, что у него имеется брат родной «Вахтыгирей-бек – 30 лет» (КРО. Т. II.). С. 58. Князь Касай Мисостов приходился упомянутым лицам старшим братом.
16. АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1. Д. 1. Л. 3.
17. Там же. Л. 1.
18. КРО. Т. II. С. 152–161.



19. Там же. С. 156; Правящая княжеская коалиция озвучила свою жесткую позицию во время приезда в Кабарду Э. Бекович-Черкасского. Он прибыл с целью убедить правителей страны разрешить вернуться Мисостовым. Российскому представителю, в частности, было заявлено, «что ежели они, кабардинцы, потребны быть в подданстве Е.И.В., то б с российской стороны в дела их не вступать...» (КРО. Т. II. С. 156). А подданство они понимали как выполнение возложенных на себя обязательств. О видении кабардинской элитой своего статуса во взаимоотношениях с Россией свидетельствуют следующие примеры. В 1765 г. Касай Мисостов, Мисост Баматов и Кази Кайсинов писали Екатерине II: «...мы низжайше вашему величеству издревле присяжными именуемся и для того ту нашу присягу и донныне наблюдаем безпорочно...» (АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/2, 1762–1778. Д. 8. Л. 112). В декабре 1779 г. ген. Якоби информировал свое начальство: «Будучи таким образом принуждены силой оружия, прислали они (кабардинцы. – Т.А.) просить прощения; но и при сем случае, однакож, в письме своем объявили, что с самых времен царя Иоанна Васильевича они никогда не были российскими подданными, а находясь так, как кунаки (гости или приятели), в покровительстве, что и ныне желают покориться на тех же условиях» (Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис, 1866. Т. I. С. 91).
20. АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 1. Л. 3.
21. Там же. Л. 1.
22. Юзефович Т. П. Договоры России с Востоком. СПб., 1869. С. 19.
23. АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 1. Л. 1.
24. Там же. Л. 2.
25. Там же. Л. 3.
26. АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 115/1, б/д. Д. 1. Л. 1.
27. КРО. Т. II. С. 161.
28. АВПРИ. Ф. 115 «Кабардинские дела». Оп. 1. 1748. Д. 5. Л. 50; Цит. по: *Кажаров В.Х.* Традиционные общественные институты кабардинцев и их кризис в конце XVIII – первой половине XIX в. Нальчик, 1994. С. 254.
29. КРО. Т. II. С. 165.
30. Там же.

## THE POLITICAL PROCESS IN KABARDA IN THE 1740<sup>s</sup>. XVIII CENTURY: INTERNAL CONFLICTS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL RECOGNITION OF “FREEDOM” OF THE COUNTRY

**Aloev Timur Khazrailovich**, Candidate of History, senior researcher of the Department of Medieval and Modern History of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), [aloborsa@mail.ru](mailto:aloborsa@mail.ru)

**Zhansitov Osman Aslanovich**, Candidate of History, senior researcher of the Department of Modern History of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences» (IHR KBSC RAS), [osman.zhansitov@yandex.ru](mailto:osman.zhansitov@yandex.ru)

The article examines the main trajectories of the political process in Greater Kabarda in the context of the 6th article of the Belgrade Treaty of 1739, where its “free” status is fixed. One of the main chronological reference frames of the narrative appears in 1742 when the inter-princely confrontation between the Baksan and Kashkatau parties resumed in Kabarda. The work tracks the dynamics of political upheavals among the ruling elite, which led to a sharp loss of balance in the system of “checks and balances” of Kabardian politics several years later, which resulted from the expulsion of the princely clan Misost. Appeal to primary sources in elucidating this event, which is not trivial for the political process of Kabarda of the period under consideration, allows us to identify not only the endogenous factors of the plot, but also the powerful foreign policy determinants of the process. In this regard, special attention is paid to the implementation of the priorities of Russian diplomacy in Kabarda, both through the use of the terms of the international treaty, and through the continuation of the policy of manipulation inter-princely contradictions.

**Keywords:** Kabarda, Belgrade Treaty, political process, Baksan party, Kashkatau party

DOI: 10.31007/2306-5826-2018-2-37-14-22